

Андрей Курпатов
в соавторстве с А.Н. Алехиным

Философия
психологии
новая методология

PSYCHOSOPHIA

Андрей Курпатов

**Философия психологии.
Новая методология**

«Курпатов А.В.»

Курпатов А. В.

Философия психологии. Новая методология / А. В. Курпатов — «Курпатов А.В.»,

Монография посвящена методологии открытых систем, основанной на несодержательных принципах. В книге рассмотрены религиозная, философская и научная мировоззренческие системы, а также проведен методологический анализ развития психологического знания. Авторы дают свое определение существующей методологической ситуации, после чего представляют пути выхода из кризиса. Новая методология открытых систем – психософия – это эффективный инструмент работы со знанием. Второе издание.

© Курпатов А. В.

© Курпатов А.В.

Содержание

Предисловие	5
Вместо введения. Вопросы и ответы	8
1. Зачем нужна новая методология?	8
2. Что такое психософия?	10
3. Каковы опорные точки «новой методологии»?	12
4. Почему это новая методология?	14
5. Каковы задачи новой методологии?	15
6. Как новая методология связана с онтологией и гносеологией?	17
7. Какой видит новая методология свою роль в развитии знаний о человеке?	20
Часть первая. Эволюция мысли	22
Глава первая. Мировоззрение	22
Общие положения	22
Необходимое методологическое отступление (введение понятия «точка обзора»)	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Андрей Курпатов в соавторстве с А.Н. Алехиным Философия психологии. Новая методология

Предисловие

Очень странное чувство испытываешь, когда возвращаешься к своим текстам десятилетней давности. Оттого, что эти тексты были написаны тобой в двадцать лет, а сейчас тебе, соответственно, тридцать, ощущение странности, какой-то, быть может, даже неловкости только усиливается.

В этой книге – с этого она начинается – речь идет о «способах думать», о том, как принципиально, сущностно менялось мировоззрение всего человечества от момента своего зарождения до наших дней. О том, что эти изменения происходили этапами, но при этом оставались незамеченными; мы так устроены, что заметить подобные перемены в себе действительно крайне сложно, а увидеть прошедшее «прежними глазами» и вовсе никак невозможно.

И вот ты сам возвращаешься к себе прежнему, десятилетней давности, и с ужасом понимаешь, что это не твой текст. «Не твой» в том смысле, что ты – нынешний *так* не думаешь, и он абсолютно твой – если ты остался там, в своем прошлом, двадцатилетним. Ты думаешь о том же, ты думаешь, если можно так выразиться, те же самые мысли, но *по-другому*. Исторический опыт всего человечества и опыт твоего личного, какого-то жалкого десятилетия...

Универсальность правил, доказанная личным психологическим опытом, – на этом, собственно, и стоит вся новая методология. Она ищет универсальные правила, правила, по которым в принципе живет все знание, но при этом она в значительной степени, если не сказать – главным образом, опирается на личный опыт, на индивидуальное знание. Это может казаться странным, критически ненаучным, недостоверным, бездоказательным и так далее и тому подобное. Но факт остается фактом – вон там человечество с его развитием отношений со знанием, а вот тут – ты, с твоим собственным принципиальным изменением прежнего видения жизни. Ведь речь идет об *универсальных* правилах, которые, раз они такие – универсальные, – должны работать всегда и везде, а значит, и в тебе, в твоей жизни и в твоих личных отношениях со знанием. И они работают. Работают.

Если бы меня еще месяц назад, до того как я сел за редактуру прежнего текста книги, спросили – о чем она? – то я бы, верно, ответил так: «Это книга, написанная как размышление над „вечными темами“ философии, но не с точки зрения философа, а с точки зрения психолога. Отсюда и название – „психософия“. Для психолога самое важное – это некая объективизация того, с чем он имеет дело, а дело он имеет с материей неосознаваемой, неконкретной и трудно структурируемой. Но практика требует определенности, и поиски увенчались успехом. Получилось сформулировать принципы, которые позволяют подойти к „психической материи“ достаточно корректно с методологической точки зрения, а главное – по-деловому, с эффектом и с практическим выходом. Поскольку же инструментарий сразу подыскивался а) универсальный, б) для работы с открытыми системами, – то и выходит, что знание это, полученное в области психологии, вполне может быть основанием для работы с другими открытыми системами. Соответственно, полученный результат – новая методология для открытых систем, в чем давно уже нуждается наука».

Когда же я принялся редактировать текст, то понял, что книга совсем не об этом. Во-первых, их не одна (или одна с половиной, как мне раньше казалось), а три. Во-вторых, хотя она и написана как «размышление», автор размышляет только в целях аргументации материала, в действительности же это – вполне строгая, выверенная, где-то даже жесткая методологическая система. В-третьих, тут нет ни «философских вопросов», ни «вечных тем», тут предложение совершенно по-другому взглянуть на феномен знания – не в привычном для нас противопоставлении познающего и познаваемого, а с точки зрения самой природы знания. Наконец, автор не просто допускает возможность строить систему, исходя из человека, помещая его в центр мироздания, определяя его как высшую и суверенную ценность... Не просто. Он так думает, и строит, и помещает, и определяет.

Странное, парадоксальное чувство. Какая точка зрения верна – меня-прежнего или меня-нынешнего, – сказать невозможно. Читатель, впрочем, получит собственное представление от прочитанного, по-своему прочтет и поймет. Но, так или иначе, некий новый способ мышления заявлен, описанные методы, что проверено прошедшими десятилетиями, работают и дают очень неплохие результаты, причем как при смене предмета исследования, так и при изменении идеологической парадигмы. Иными словами, принципы новой методологии позволяют конструировать знание как таковое, что, надо полагать, является наиважнейшим фактором всякого научного прогресса. В чем, в чем, а в информации недостатка мы теперь не испытываем, скорее напротив. Методологическая же проблема не в том, чтобы получить новые знания, а в том, чтобы структурировать те, которые уже есть в наличии. Структурировать, разложить по полочкам и оживить. Знание должно работать, оно должно быть полезным, его священный долг – служить человеку. И мне кажется, что психософия с этой задачей справляется.

Изначально, как я уже говорил, это была одна книга, точнее – одна с половиной. Первая называлась «Философия психологии. Начало психософии. Теоретические основы науки о душе человека», вторая так и не успела получить своего названия; речь в ней шла о сущности психотерапевтического процесса. Впоследствии, в 2002 году, то есть спустя семь лет после создания книги, мы получили возможность ее издать (первое издание произошло тремя годами раньше, книга была выпущена символическим тиражом). При подготовке второго издания полностью была переработана та часть книги, которая посвящалась «личности» (структура личности, процессы ее формирования и развития, феномен психотерапевтического сопровождения процесса развития личности). В этом, измененном варианте книга получила название «Психософия: методология, развитие личности и психотерапия». И уже тогда было понятно, что методологическая часть книги и психологическая, хоть они и дополняют друг друга (как могут и должны дополнять друг друга теория и практика), созрели для того, чтобы стать отдельными работами. Теперь же стало очевидно, что на самом деле этих самостоятельных частей, то есть книг – три. Одна посвящена именно методологии, методологии открытых систем, другая – личности, процессам ее формирования и развития, третья – феномену индивидуальных отношений. Все они выйдут теперь отдельными изданиями – «Философия психологии. Новая методология», «Развитие личности. Психология и психотерапия», «Индивидуальные отношения. Теория и практика эмпатии».

Книга «Философия психологии. Новая методология» – первая в этом списке. В новой редакции прежних текстов произведены самые незначительные изменения – текст «причесан», по возможности разъяснены некоторые путанные места. Неизменным остался и сносочный материал, поскольку дополнительные ссылки на литературу, появившуюся после 1995 года, сделали бы не совсем корректным ход авторского изложения. Мысли рождаются в том интеллектуальном и информационном пространстве, в котором они рождаются, можно сказать, связаны с ним своей пуповиной, и внесение каких бы то ни было уточнений и дополнений может травмировать текст да и сами мысли. Кроме того, надо сказать, что серьезной редакции тоже не производилось, хотя желание сделать ее было сильным. Но полноценная редакция этого текста

превратилась бы в совершенно новую книгу – и содержательно, и структурно, что, наверное, было бы неправильно. А главное – вряд ли получилось бы хорошо, потому что *думать по-другому* – это не просто думать иначе, но еще и испытывать другой интерес. Соответственно, мы имеем ту, «старую» книгу, но чуть более аккуратную и более цельную.

В заключение мне бы хотелось поблагодарить своего соавтора – доктора медицинских наук профессора Анатолия Николаевича Алехина. В тот момент, когда зарождалась эта работа, он был моим научным руководителем, впоследствии мы стали коллегами, соавторами и друзьями. Только наши взаимные обсуждения, дискуссии сделали эту книгу возможной. Ее первый текст рождался в настоящем сократическом диалоге – мы обсуждали, спорили, изучали, проверяли свои гипотезы. Способ мышления, предложенный Георгием Петровичем Щедровицким, у которого Анатолий Николаевич имел счастье учиться, был использован нами в практическом применении и на все сто процентов. К сожалению, все реже случаются в науке такие споры и обсуждения. К сожалению...

Я благодарен Анатолию Николаевичу не только как соавтору, но и прежде всего как учителю, именно он показал мне, что значит смотреть на психологию с пытливым любопытством и настоящей исследовательской строгостью, то есть за самое важное – за науку быть ученым. Мы оба, в свою очередь, учились и работали под началом доктора медицинских наук профессора Олега Николаевича Кузнецова. Олег Николаевич был для нас примером научной смелости, открытости, увлеченности делом и воплощением внутренней свободы в отношении к «священной корове» под названием «наука» – в общем, всех тех качеств, без которых, как нам представляется, в науке делать нечего. Он, как и Лев Маркович Веккер, оценил эту работу очень высоко, за что мы им со своей стороны искренне благодарны. Впрочем, когда слышишь подобные оценки из уст таких ученых, кажется, что ты просто не можешь быть этого достоин.

И в довершение этого небольшого предисловия хочется высказать слова благодарности читателям, обратившим внимание на нашу с Анатолием Николаевичем книгу. Очень хочется думать, что она покажется вам интересной и даже полезной. Не секрет, что методологический остов науки давно нуждается в капитальном ремонте, но даже дискуссия на эту тему пока толком так и не открыта. Если же все мы так и продолжим ждать, откладывая на потом серьезный разговор о методологических принципах организации знания, то последствия этого пассивного бездействия предсказать трудно, точнее – страшно и потому не хочется. Возможно, данная работа придаст некоторый импульс этой давно назревшей дискуссии. Авторы со своей стороны очень на это надеются.

Андрей Курпатов

Вместо введения. Вопросы и ответы

Ведь если даже истина вообще доступна человеческому пониманию, она, несомненно, должна скрываться в очень большой и туманной глубине; и надеяться на то, что мы достигнем ее без всяких стараний, тогда как величайшим гениям это не удавалось с помощью крайних усилий, было бы, признаться, порядочным тщеславием и самонадеянностью. Философия, которую я собираюсь излагать, не претендует на подобное преимущество, и будь она слишком легкой и очевидной, я бы счел это сильным доводом против нее.

Давид Юм

1. Зачем нужна новая методология?

Современная наука развивается по принципу дивергенции, с каждым днем растет количество новых отраслей знания, вопросы узкой специализации входят в моду во всех областях как собственно науки, так и практической деятельности. Разумеется, такой подход эффективен, особенно в условиях существующего информационного изобилия и исключительного многообразия потребностей рынка. Однако есть два «но».

Во-первых, тенденция к «узкой специализации» появилась, что называется, не от хорошей жизни. Человек просто физически не способен усвоить все знания относительно той системы, с которой ему приходится работать (будь то человек, атом или Вселенная). А об эффективном управлении этим знанием, о его полноценном использовании и вовсе можно забыть. Именно по этой причине возникают огромные сложности, нелепые казусы, а зачастую и крайне нежелательные, подчас трагические последствия.

Так, например, в медицине все чаще встречаются такие ситуации, когда узкий специалист допускает врачебную ошибку по той причине, что обратил внимание лишь на ту «часть» человека и патологических проявлений, которые соответствуют его «зоне» узкой специализации. Какой может быть цена врачебной ошибки? Этого, вероятно, объяснять не нужно.

Здесь же нелишним будет отметить увеличивающуюся степень поверхностности современного высшего образования. Ведь неустанное увеличение объема усвояемого студентами материала неизбежно влечет за собой снижение качества понимания сути изучаемых явлений.

Кроме того, узкая специализация – это способ подготовки «работников», но не ученых. И мы переходим ко второму «но».

Во-вторых, эмпирический материал в каждой отдельной научной отрасли в настоящее время настолько обширен и многогранен, что увидеть в этом бесконечном множестве разрозненных фактов нечто новое – новую мысль или идею – практически невозможно. Иными словами, мы наблюдаем ситуацию, при которой наука фактически лишается своей перспективы. Современная наука поясняет и дополняет саму себя, словно ходит по кругу. Причем центростремительные силы этого вращения опасно преобладают над центробежными. Мы словно бы вечно возвращаемся к одному и тому же, а подлинного расширения знания (не информации, а именно знания) не происходит.

К этому же нужно прибавить и те терминологические конфузы, которые постоянно преследуют современных исследователей. Они все чаще называют разными именами одни и те же феномены, а в результате не могут интегрировать свои данные в единые теоретические схемы. При этом еще возникает иллюзия, что мы знаем много, все больше и больше, а на проверку оказывается – мы говорим об одном и том же, но разными словами. Хороший пример тому –

психология и психотерапия. Давайте задумаемся: мы имеем *одного* человека и – более тысячи школ и направлений, описывающих его психическую деятельность! Как это возможно? Только по одной причине – из-за терминологической путаницы. Материала на все лады и вкусы – океан, а эффекта – пшик. Что уж говорить в таком случае о междисциплинарных дискуссиях!

Вот почему именно сейчас наука нуждается в новой методологической модели, по сути – новом гносеологическом острове, который, с одной стороны, позволит «расширить» возможности «узкого специалиста», а с другой стороны – даст возможность интегрировать знания науки в целостную, непротиворечивую систему, преодолев терминологические и не только терминологические внутри – и междисциплинарные препоны.

Именно такой подход и пытается реализовать новая методология (психософия).

2. Что такое психософия?

Психософия – это новая методология, которая основана не на результатах работы психического аппарата человека, то есть не на каких-то положениях, обеспеченных психологическим опытом, но на самом феномене этой работы; в основе ее – сущность самого психологического опыта. При этом, когда речь идет о психологическом опыте, нужно думать не о переживаниях человека, а о том, что весь мир, явленный ему, и есть этот его, человека, психологический опыт. Ничем, кроме психологического опыта, мы не располагаем и располагать не можем.

Психософия рассматривает психологический опыт человека целостно. То есть не человека, изъятого из мира, оторванного от фактического его существования, помещенного в абстрактную идеальную пробирку, стерильную лабораторию (пусть и существующую лишь в голове исследователя), а человека в его непосредственной, живой взаимосвязи с миром. Психософия, таким образом, не является каким-то частным знанием, освещающим какую-то отдельно взятую часть мира, но создает универсальную базу для целостного знания о человеке и его знании о мире.

Мир рассматривается психософией как, условно говоря, «сделанный» и «делаемый» человеком. Поскольку мир дан нам лишь через психический опыт – «невооруженный глаз» и «глаз вооруженный», воспринимаемое и мыслимое, – то думать о нем – о мире – иначе, отставив человека с его психическим аппаратом в сторону, было бы во всех смыслах неправильно. Думать же о человеке, «отрезая» от него действительность, им же перманентно создаваемую, и вовсе безумие.

В этом правиле – нет мира без человека и человека без мира – и заключается особенность психософического подхода.

Новая методология, созданная психософией, по сути – методология открытых систем. Она описывает открытые системы и за счет гибкости, несодержательности своих конструкций готова воспринять любой новый, «неожиданный» факт, не обрушившись под его «натиском». Последнее – то есть счастливое обретение фактов, противоречащих основным положениям той или иной теории, – как известно, регулярно травмирует как точные, так и гуманитарные науки. Новая методология устроена так, что подобные кризисы и картезианские перевороты в ней попросту невозможны – логика структуры научного знания другая.

С другой стороны, знание должно, просто обязано быть технологичным, иначе оно бесполезно. Однако технологичность может быть только естественной, в противном случае эта технологичность – иллюзорна. Как изучение физиологии органов на умерщвленном предварительно «препарате». Система – это нечто большее, нежели простая сумма ее частей, а значит, если она действительно «живая», а не искусственный муляж, она должна «рождать» новое. В этом-то и состоит действительная технологичность научного знания: не описывать систему, а видеть ее в развитии.

Поскольку же нам не дано другого познания, кроме психологического опыта, то есть мы всегда имеем дело с результатами работы психического аппарата, следовательно, познание этого психического аппарата в целом и позволяет обеспечить достоверность познания. Психософия, обеспечивая последовательность анализа, дает нам непретенционный взгляд на действительность, которая представляется теперь не какой-то не зависимой от нас «объективностью» (относительно которой всегда будет непонятно – доступна она для познания или нет), а реальностью, которую человек способен познавать, но несколько по-иному, в сравнении, например, с растением, клеткой или квантом.

Всем этим позициям психософия находит философское и методологическое обоснование, что переводит последние из бессмысленных игр пространственными и умозрительными кон-

струкциями в сферу научного знания, а это, в свою очередь, позволяет формировать новые позиции, уточнять прежние и, таким образом, развивать искомое психософией научное знание.

Наконец, как бы нас это ни смущало и ни печалило, факт остается фактом: никто не создаст модели для познания некой системы «изнутри» лучше, чем она сама, и никто не знает систему лучше ее самой (был бы только у нее инструмент для освоения этих знаний). А поэтому странно настаивать на объективности «внешнего наблюдателя». Мы или помещаем человека в мир, а мир в человека, что дает нам все шансы на продуктивность нашей познавательной деятельности, или встаем в сторонке и наблюдаем – пассивно и бессмысленно.

3. Каковы опорные точки «новой методологии»?

Психософия предлагает вспомнить испытанный еще Аристотелем и Эйнштейном способ построения научного знания: при создании системы отталкиваться не от закономерностей и системы утвержденных противоположностей, как это обычно происходит в современной науке, но от принципиально, даже диалектически неразрешимых философских, а значит, и сущностных противоречий.

Закономерность – это искусственный конструкт нашего сознания уже опосредованный реальности. Противоречие же – *это то, что есть*. Поэтому, если мы основываемся на противоречии, мы тем самым идем от познаваемой реальности к знанию, а не от представлений о познаваемой реальности к самой реальности. Что в общем-то представляется достаточно странной затеей, адекватной разве что для образовательного процесса.

Основываясь на закономерности, мы заранее создаем своеобразный, можно сказать – генетический дефект будущего знания. Закономерность, лежащая в основе гносеологического движения, – это прокрустово ложе, убивающее реальность.

Вряд ли кто-то, будучи, что называется, в здравом рассудке, примется подвергать сомнению то, что сам положил в основу своего учения. Так, никто не подвергает сомнению утверждение, что практика – критерий истины. Но стоит проанализировать психотерапевтическую практику, и с истинами в психологии становится все из рук вон плохо. Однако же мы продолжаем настаивать: «Практика – критерий истины». Что, в общем-то, вполне естественно, но не слишком корректно.

Итак, новая методология идет не от установленных или выведенных некогда закономерностей, а от противоречия – то есть от явленного нам незнания. Когда истинное противоречие найдено, мы наконец действительно открыты познанию, а не занимаемся объяснением неизвестного уже известным. С противоречием так просто нельзя поступить, белые нитки проступят немедленно.

Впрочем, одного только противоречия, конечно, недостаточно. Все имеющие место быть противоречия существуют ровно столько, сколько и познающее их мышление, но реальность, скрывающаяся под видимыми фактами и закономерностями, так и осталась пока неоткрытой и неисследованной. Что вполне объяснимо, ведь мы инстинктивно, не в переносном, но в прямом смысле этого слова, боимся неопределенности. Если же она появляется, мы привыкли тут же справляться с ней при помощи объяснений. Человек, испытывающий страх, способен найти объяснение любому факту, только бы добиться иллюзии понятности, определенности и надежности окружающего его мира и своих представлений о нем.

Объяснение же – смерть для противоречия. Едва появляется щель между реальностью и когнитивным конструктом, который отражает ее в нашем сознании, то есть едва возникает противоречие, как эта брешь немедленно закрывается объяснениями. Убедительными, но не достоверными. Речь идет о грубейшей методологической ошибке – произвольном смещении точки обзора.

Точка обзора показывает, чем мы действительно обладаем, вступая в процесс познания в качестве познающего, какими характеристиками отношений с познаваемым мы как познающие априори отягощены, что мы сможем утверждать по результатам познания, какого рода это могут быть утверждения и, наконец, что будет позволительно нам предполагать, то есть диапазон более-менее корректных допущений.

Точка обзора – это, с одной стороны, те глаза, которыми мы смотрим, с другой стороны – некий центр тяжести познавательного акта. Она не может быть смещена произвольно, иначе ошибка неизбежна. Но, как это ни парадоксально, эта наиважнейшая гносеологическая константа, как правило, нигде толком не определяется. И именно поэтому «человек познающий»

до сих пор так успешно справлялся с тем, что, «перебегая» с места на место, меняя точки обзора, ловко скрывал сам от себя противоречия, которые существуют и требуют нашего осознания. Конечно, мы можем пожертвовать достоверностью в угоду «определенности», но это ведь не даст никакой действительной определенности, а главное – остановит познавательный процесс, сведя его к теоретическим ремиксам прошлых научных побед.

Итак, точка обзора обеспечивает естественную системность знания, задавая ему «точку отсчета», основывая его центр. Никакая система невозможна без центра, центр – это системообразующий фактор, все остальное в системе, образно говоря, отношения «центр – периферия». Определившись с центром, мы сразу решаем всегда проблематичные вопросы ценности, значимости, выбора, ответственности и проч., более того – система сама по себе становится динамичной, процессуальной, нарождающейся. Вот почему так важно однозначно определиться с центром при создании любой системы, что и сделала, например, психософия, определив своим центром человека.

4. Почему это *новая* методология?

Психософия и развиваемая ею новая методология, на наш взгляд, закономерный этап эволюции научного знания (в данной работе этот вопрос рассматривается достаточно подробно). Сейчас, кажется, уже все говорят о том, что назрела потребность в «интеграции» научного знания. Но, склеив разбившийся кувшин, мы вряд ли будем застрахованы от протечки. Интеграция – это такой склеенный кувшин. Мы же хотим – целостности, а целостность познания может быть обеспечена лишь по-настоящему философским осмыслением психологического опыта. И именно так свою задачу понимает психософия, и именно поэтому она имеет себя двумя прекрасными греческими «корнями» – душой (*psyche*) и мудростью (*sofia*).

Новая методология исходит из положения, что существует нечто, что можно назвать системой (системами). Содержание, то есть, условно выражаясь, «вещественная начинка», этих систем различно. Однако если мы говорим «система», мы тем самым уже допускаем существование некой единой, универсальной формулы системы, чего-то, что было бы универсально для *всех* систем, определяло бы сущностную специфику самого феномена, что, в конце концов, позволяет нам так ее (их) называть.

Вопрос относительно того, как идентифицировать и описывать эту сущность системы, ее специфику, остается открытым. Исследователи на методологическом поприще вполне обучились тому, чтобы описывать какие-то конкретные системы, для данных работ созданы «специальные» и «узкоспециальные» рубрики: «методология науки», «методология культуры», «методология психологии» и так далее. Хотя очевидно, что во всех этих и других аналогичных случаях описывается методология не как инструмент идентификации систем и описания процессов, а как метод, обеспечивающий идентификацию содержания *конкретной* системы и описание *конкретного, какого-то* процесса.

Собственно система как феномен при соблюдении подобной тактики выпадает из поля зрения исследователей, они рассматривают содержание, а не систему как таковую. Этот подход представляется психософии ущербным, поскольку изучение самого феномена системы, самого феномена процесса может дать куда больше для прояснения конкретных вопросов в каждой конкретной области, нежели принятое сейчас в науке «кусочничество».

Для достижения заявленных целей содержательный подход, основанный на конкретных закономерностях и оппозициях, оказывается бесперспективным. И дело даже не в том, что методологи буквально тонут в этом случае в малозначительных деталях, а в том, что упускается самое главное: корректное описание системы возможно лишь в структуре несодержательных понятий. Любой другой подход, кроме несодержательного и составляющего сущность новой методологии, требует оговорок содержательных условий той или иной закономерности, которые и сами чем-то обусловлены. Содержательная методология позволяет формулировать свои положения либо как идеальный процесс (эксперимент в идеальных условиях), либо как частный процесс, что, разумеется, значительно снижает научную ценность открытий.

После решения этой основной задачи – выявления несодержательных принципов, конституирующих *любую* систему, чему и посвящена настоящая книга, – встает вопрос о том, каковы механизмы и правила использования этих несодержательных принципов в содержании, то есть применительно к конкретным задачам. В этой книге, кроме изложения основных позиций новой методологии, мы приведем лишь демонстрацию ее работы, остальные же задачи отнесены на долю последующих текстов и изданий.

5. Каковы задачи новой методологии?

Методология должна отвечать принципу технологичности, обеспечивать диагностику состояния систем, описывать процессы и обладать прагматической ценностью. Полагая в свою основу человека и опираясь на принцип несодержательности, новая методология может использоваться с этими целями в системе, а не только применительно к поведению человека. Однако исследования проведены авторами в области психологии, и потому значительная часть текстов, иллюстрирующих работу новой методологии, посвящена именно проблемам психики, в частности – «проблеме личности». В любом случае другого способа исследовать новую методологию, кроме как изучать человека, наверное, нет, поэтому психософия стала фактической правопреемницей философии и психологии, что и отражено в ее названии.

Методология – это всегда технология, по крайней мере должна ею быть. Технология – это средство производства, в данном случае интеллектуального. Для того чтобы использовать резервы совокупного мировоззрения, с одной стороны, и качественно развивать его – с другой, мы нуждаемся в технологии. Анализ общих тенденций этого целостного феномена по всем его направлениям – религия, философия, наука, психология – показывает, что найти для всех них единые основы – не плод воспаленного сознания, а реальная возможность, поскольку инвариантна их процессуальная динамика, а коли так, то и поиски единого источника – это не утопия, а к тому же еще и жизненная необходимость.

Кроме того, этот анализ показал, что новый уровневый переход требует и совершенно новой методологии, поскольку каждое из этих направлений готово изменить свою сущность. Так, религия перестала быть просто знанием о Боге, это знание о духовной практике человека, она готова теперь стать открытой системой, показывающей перспективы и пути развития индивидуального человека; философия становится знанием о человеке; наука перестает быть знанием человека о мире, она становится знанием человека.

Мы забыли, что такое философия, и говорим не о философии, а о «философских системах», мы не помним о душе, когда рассуждаем о «психотерапевтических направлениях». Вместе с тем философия – это прежде всего особенный уровень осознания, где значимость обретает то, что теряется в повседневной жизни в навязчивой погоне за интеллектуальным барышом от новомодных, но методологически пустых теорий. И в психологии, к сожалению, складывается аналогичная ситуация – сотни психотерапевтических школ думают лишь о техниках, используя теорию лишь как объяснительную модель, но не более того.

Именно поэтому психософия решается на объединение психологического знания и философского мышления, но на совершенно новом уровне, где методология предшествует знанию, а знание – практике. Психософия исходит здесь из двух основных положений, с которыми, как нам кажется, трудно не согласиться.

Во-первых, развитие философии есть по сути дела – развитие идей о человеке. Венцом, апофеозом этого стал XX век, когда феномен человека в философии оттеснил на второй план все, даже религиозную тематику. Экзистенциализм, философская антропология, феноменология, антропософия – вот современные религии в философии.

Во-вторых, очевидно, что психика человека – вся психика, взятая в ее целостности, в самом широком ее понимании (мы не выделяем здесь сознательное, бессознательное, индивидуальное и социальное – вся) – есть сам человек, а так как нет ничего, что бы человека не касалось и не было бы с ним связано,¹ то все, что существует, существует «через» человека, а

¹ Здесь следует отметить, что существующее – это вообще все, что может быть нами познано. Поскольку если нечто нас не «касается», то есть не вступило с нами во взаимоотношения, то оно и не существует, ведь даже если мы сейчас представим себе нечто, что существует, но нас не «касается», мы тем самым вступим во взаимодействие с ним, то есть человек познает все существующее.

следовательно, перед тем как делать заключение о чем-то через феномен познания, мы должны «оглянуться на человека» для того, чтобы понять: «что?» и самое главное: «как?» человек познает – и после этого наше познание реальности не будет замутнено абстрактными гипотетическими предположениями о том, что есть реальность и какое она имеет к нам отношение.

6. Как новая методология связана с онтологией и гносеологией?

Методология – это не просто целостная система методов познания, это еще и гносеологическая, а с ней и онтологическая системы. То есть методология – это не только то, «как познавать», но и то, «что познавать». Правда, существующая методология не считает необходимым структурировать познаваемое. Однако как можно без этого осуществить познание? Психософия считает, что познаваемое и инструмент познания должны быть определены непротиворечиво и только в этом случае методология может быть по-настоящему эффективной. Поэтому психософия определяет и предмет познания, и инструмент познания.

По материалам выявленных противоречий мы решаем несколько вопросов: о языке (и формулируем новый язык), о возможности и вероятности (и формулируем теорию принципа), все это обращает нас к миру процессов, а в итоге позволяет создать по-настоящему открытую систему научного знания. Таким образом, новая гносеологическая модель позволяет системно изучать феномен человека – эту поистине наисложнейшую открытую систему, а также оказывать конкретному человеку реальную помощь. Все это возможно потому, что новая методология и ухватывает сущность, и видит процесс, а без этого решение «проблемы человека» в принципе невозможно.

Теперь несколько слов по каждому пункту.

Мы не будем приводить здесь доказательств синонимичности логики и языка, поскольку это тема отдельного разговора. Но очевидно, что логика – это способ мышления, а язык – способ выражения мысли, не усмотреть здесь прямой взаимосвязи достаточно трудно. Вместе с тем не секрет, что нынешний наш язык на данном историческом этапе все меньше и меньше способен справляться со своими задачами, проявляет, так сказать, семантическую слабость. Наиболее явственна эта его «неполноценность», например, в сфере современной физики и, конечно же, в вопросах психологического толка. Мы анализируем причины этого и ясно осознаем, что, для того чтобы избежать всех возникающих сложностей, необходимо переходить от языка, называющего конкретные вещи и состояния, к процессуальному и нефактуальному языку, что технически представляется достаточно сложным, но решается с помощью теории принципа.

Как мы приходим к теории принципа? Здесь мы основываемся на очевидной аркаде противоречий: любой процесс по своей сути представляет собой гомогенную полипотентную возможность, она ограничена лишь условиями (поэтому мы обычно имеем дело с вероятностью), но, несмотря на эту гомогенность и полипотентность в основании, в результате мы имеем потрясающий мир – уникальный, разнообразный; и вместе с тем, несмотря на индивидуальность своих проявлений, он поражает своей целостностью и системностью. Как решить эти противоречия?

Очевидно, что простым мудрствованием этого сделать не удастся, и тут на помощь приходит опыт психотерапевтической работы. Анализируя динамику процессов личностного роста, процессов осмысления нового опыта пациентами и другие данные, мы оказываемся на пороге новой теории. Отличительные ее особенности заключаются в том, что она не работает ни с содержательными аспектами бытия (которых существует неограниченное множество, в связи с чем и решения представляются здесь весьма условными), ни с формой (практически по той же самой причине), а лишь с процессуальными структурами.

Мы называем эти процессуальные структуры – принципами, они всегда оказываются в основе любого знания и пронизывают все сферы бытия идентичным образом. Это кажется нам удивительным и ценным по целому ряду причин – эффективность, технологичность, достоверность результатов и простота, что, конечно, немаловажно. Принципы, осознаваемые не

как факты действительности, а как инструмент познания, оказываются идеальным инструментом (способом, методом) получения нового знания. Все теоретические положения, кроме собственно опытного доказательства, имеют и логико-философское обоснование.

Принцип представляется нам не материальной и даже не идеальной реальностью, он обладает какой-то своей, доселе нам не известной сущностью и, проявляясь в различных сферах, каждый раз овеществляется по-разному. Таким образом, на практике, в жизни, мы имеем дело не с собственно «телом» принципа, а лишь с овеществленным принципом, многообразие же вещественного мира столь велико, что под этой мишурой вещей действительно трудно заметить сам принцип, но при соотнесении процессуальных паттернов вещественно отличных сфер это оказывается возможным.

Новая методология выстраивает гносеологическую модель мира, где эволюционно (относительно нашего способа познания), последовательно располагаются фундаментально отличные друг от друга гносеологические миры: сущностей, вещей и закономерностей, а уже соответственно им – гносеологические уровни, характеризующие формы научного познания. Коротко это можно представить следующим образом: взрослый человек в процессе познания акцентируется в первую очередь на закономерностях – мы смотрим на ручку и при ее описании прежде всего начинаем с ее функции, само название – «ручка» – семантически несет в себе прежде всего функциональный аспект: «ею можно писать на бумаге» и т. д. Итак, самый «высокий» гносеологический мир – это «мир закономерностей», для познания которого необходим системный подход (как мы увидим в теории – он закрыто-системен).

Что является основой «мира закономерностей»? Естественно – «мир вещей», с целью познания которого человеком используется частная форма научного познания, и это как бы второй пласт, или уровень, гносеологии. Только после того как преодолен барьер всплывающих перед нашим сознанием закономерностей, мы можем увидеть собственно «вещь». Но что лежит в основании, на чем основывается мир вещей? С точки зрения новой методологии, для существования вещи необходима возможность вещи, а это ее сущность; структура же возможности – это и есть система принципов. Именно принцип, таким образом, образует третий гносеологический уровень и обеспечивает открытое системное познание.

Выделение мира возможности и принципа как его структуры в союзе с вновь создаваемым языком позволяет решить давно уже поставленный в научном мире вопрос об открытом системном познании. Под открыто-системным познанием мы понимаем такое познание, которое будет иметь общую системообразующую основу, но вместе с тем определит и предуготованность этой системы к поступлению в нее совершенно нового, возможно даже непредсказуемого опыта.

В научном мире пока возможно только закрыто-системное познание, основой которого всегда является какая-то закономерность, будь то дарвиновская теория эволюции или любая из существующих космологических теорий. Но, как мы уже писали выше, мир закономерностей вторичен миру вещей, следовательно, появившись в существующей системе, основанной на какой-то закономерности, вещь, которая не основана на данной закономерности, – и система даст трещину. Самый распространенный пример – кризис классической механики под напором предложенных Эйнштейном противоречий. И это не исключительная ситуация – закон Архимеда, например, не работает в невесомости, закон Ома недействителен в условиях низких температур и т. д.

Возможность вещи и, соответственно, принцип по определению и сути своей не принадлежат миру вещей, а лежат в его основе, «под ним». Нет и не может быть в мире такой вещи, которая бы противоречила системе, в основании которой лежит возможность, структурированная принципом, поскольку, с одной стороны – она ее возможность, а с другой – принцип инореален. Все это просто не позволяет системе и вещи противоречить друг другу. И более того, поскольку принцип процессуален и нефактуален, это и вовсе лишает вещь, а также зако-

номерность, с одной стороны, и возможность с принципом, с другой, если так можно выразиться, – поля боя.

7. Какой видит новая методология свою роль в развитии знаний о человеке?

Новая *точка обзора* развивающегося общества – это человек. Но объявить об этом и соответственно изменить обстоятельства, способ думать – это не одно и то же. А ведь все, чем мы обладаем, – это человек. Все, что мы можем, – может человек. Все, что служит нам основой и перспективой, – человек. И самое главное, что нужно каждому из нас, – это человек. Человек – это золото, которое притаилось у нас под ногами и ждет своего часа, чтобы заблестеть в лучах восходящего солнца. И поэтому мы должны понять, что есть человек, как мы можем помочь ему реализовать себя, какими путями возможно актуализировать его резервы. Мы должны узнать его как конкретного индивида и как феномен, увидеть, каковы его перспективы и потенцирующие силы его развития. Вот почему мы обращаемся к тому, что составляет основное отличие человека от всего, с чем нам приходится сталкиваться в природе, – к его, человеческой, психологии.

Именно там в кратчайшие сроки реализуются всевозможные стратегии, процесс апробации достаточно скор, поскольку нет более пластичного материала в окружающем нас мире, сопоставимого по уровню организации, нежели душевная сфера человека. Там и проглядываются ростки новой методологии. Что же с необходимостью должна обеспечить новая методология?

Очевидный крах закрыто-системного познания обращает нас к поиску путей создания по-настоящему открытых систем. Блистательные философы и, что особенно ценно, выдающиеся психотерапевты, непосредственно работающие с человеком, приходят к выводу о существовании неких «живых понятий». Эти понятия несодержательны, неконтекстуальны, но закономерны по сути, а это позволяет наблюдать, как одно и то же «живое понятие» определяет существование совершенно отличных друг от друга систем.

Но это уже второй шаг, а первый – это определенность в *точке обзора*, но эта методологическая четкость редко осознана и продиктована в большинстве случаев гордой убежденностью в своей жизненной позиции носителей этого мировоззрения.

Фредерик Пёрлз, обосновавший точку обзора своей теории в личности человека, так характеризует свое жизненное кредо: «Я ответственен только за себя. Я возмущаюсь вашими претензиями ко мне, поскольку я возмущаюсь любыми вторжениями в мой образ жизни».² Такая же точка обзора у Карла Роджерса, хотя в его теории все большее место отводится другому человеку – Другому – и отношениям с ним. Вот как Карл Роджерс пишет о себе: «Я нахожу, что добиваюсь большего успеха в отношениях с другими людьми, когда я могу воспринимать себя и быть самим собой, принимая себя таким, каков я есть».³ У Якоба Морено точка обзора уже полностью перенесена в «других», в «социум», его точка обзора – это *отношение*, без которого человек невозможен: «Между мной и другим нет посредника. Я непосредственен в общении. Я не один только в общении, будь я Богом, дураком или глупцом. Я освящен, я исцелен, раскрепощен в общении».⁴ Что это, как не убежденность в собственном мировоззрении первого, второго и третьего – воплощенная в теориях?

Они подобны пророкам, и им можно только верить, но научиться этим идеям, основанным на «живых понятиях», – невозможно. Если же эта вера оказывается осознанной нами, их системы словно бы с дискет виртуальной реальности воспроизводятся в нашем сознании, разворачиваясь в нем пронизывающими наше бытие голограммами, далее дело лишь за нашими

² Пёрлз Ф.С. Внутри и вне помойного ведра. – СПб., 1995. С. 108.

³ Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М.: Прогресс, 1994. С. 58.

⁴ Цит. по Лейц. Теория и практика. Классическая психодрама ЯЛ. Морено. – М.: Прогресс, 1994. С. 130.

личностными качествами. Но для осознания необходимо понимание, нужны и эти «дискеты», и способы считывания, то есть наши головы должны быть «отформатированы» соответствующим образом, в них должны быть соответствующие «дисководы». Именно этим целям в психологии и служит новая методология.

Часть первая. Эволюция мысли

Глава первая. Мировоззрение

Общие положения

Этапы развития человечества характеризуются в числе прочего определенной картиной мира: тем, как ее видит человек, и тем местом, которое он себе в ней отводит, – это *мировоззрение* конкретной *эпохи*, которое выстраивается в соответствии с господствующей парадигмой, то есть способом восприятия явлений и событий действительности. Парадигма пронизывает все многообразие форм общественного сознания: науку, культуру, религию и философию и прочее. Но мировоззрение эпохи определяет не только настоящее, оно проецирует себя и в прошлое, и в будущее человечества. Таким образом, оно «видит» историю и перспективы своего развития, что подчас делает оба этих заключения скорее необходимыми, нежели верными.

В определенные периоды человечество, чувствуя явное несоответствие своего мировоззрения наличной действительности, объявляет этот этап «духовным кризисом». Общественное сознание во время таких «кризисов» до предела поляризовано, вследствие чего ему смутными кажутся всякие перспективы, а неопределенность пугает и тормозит деятельность. Но далеко не всегда в таких случаях мы оказываемся перед действительным «кризисом развития». Подчас в «смутные времена» меняются только политическое устройство государства, идеологии, иногда даже научные и культурные парадигмы, но сам человек остается прежним, а значит, и его мировоззрение меняется лишь содержательно, а не сущностно. Вряд ли можно ожидать от таких эпох «эпохальных перемен», оценить же, каким был на самом деле этот «кризис», можно лишь ретроспективно.

Наша с вами современность также вписывается в данное только что определение «духовного кризиса»: ни одно из направлений общественной мысли не способно взять на себя ответственность и стать основанием нашего мировоззрения эпохи, очертить дальнейшие перспективы эволюции человека (а не своей только отрасли). Наука в погоне за решением утилитарных задач переполнена эмпирией и замкнута в собственных построениях, она с парадоксальной нелепостью противопоставляет себя культуре, не желает знаться с философией и религией, отрешивается от гуманизма. Более того, она сама лишена целостности, будучи полуофициально разделена на естественнонаучные (математические) и общественные (гуманитарные) науки. И хотя эти части роднит формально общая методология, акценты в ней стоят на диаметрально противоположных полюсах.

Философия же развалилась на огромное количество персональных философских систем и, несмотря на настойчивые призывы к единению, продолжает ими только пополняться. Уже мало кто может определиться с тем, что же представляет собой философия как таковая, вопрос в научной дискуссии, как правило, ставится теперь так: «Какую философию вы имеете в виду?» Вопрос кажется странным, потому что философия может быть только одна, если мы говорим о философии... Хотя, конечно, существует множество философских систем. Но это уже принципиально иной вопрос. Впрочем, никто не занимается подобными уточнениями. Все мы уже постфактум приняли, что философий несколько – несмотря на то, что это даже забавно звучит: «несколько философий». Причем живут эти философии недолго. Иногда лишь до первого опыта приложения их к практике, поэтому самые живучие – как раз те, которые к практике вообще неприменимы, другие же умирают, едва успев родиться.

Системообразующую для общественного сознания функцию традиционно выполняла культура. Но и она не избежала сегодня участи дифференциации. Благодаря техническому прогрессу, обеспечивающему новые формы реализации культурной деятельности, появляется множество доселе неизвестных автономных культурных течений, никак не взаимодействующих между собой. Усилия малой части интеллектуальной элиты в поисках неких средств интеграции, к сожалению, не могут приниматься серьезно – они осуществляются вне пространства жизни основной массы людей, а внутренние противоречия самой культуры и так очевидны.⁵

Религия к исходу XX столетия и вовсе вытеснена на задворки общественного сознания. Несмотря на отчаянные попытки «общественной реабилитации» – появление шоу-проповедников, массы непритязательных доступных церквей, некой специфической «политкорректности», – религиозный взгляд на мир остается прибежищем лишь определенных, достаточно узких слоев населения. В остальном же мы верим, но эта наша вера уже не имеет равным счетом никакого отношения к нашему восприятию мира. Иными словами, вера современного человека не равна религиозной картине мира. В силу ряда социально-исторических и этнопсихологических условий религия сохраняет часть своих мировоззренческих функций на Востоке, но и там она лишь организует целостность восточного мировоззрения, не являясь при этом системообразующим началом.

Идеи гуманизма, напротив, еще далеко впереди человечества. Тут вспоминается шутка Конрада Лоренца: «Недостающее эволюционное звено между обезьяной и человеком – это как раз мы». К сожалению, в этой шутке не так много юмора, как хотелось бы. Хотя заявленные гуманизмом принципы, объявляющие человека высшей ценностью, и озвучены, приживутся в общественном сознании они еще не скоро.⁶ А до тех пор пока гуманистические идеи не достигнут основания каждого из нас, не станут истинным мотивом деятельности общества и конкретных людей – вся совокупность гуманистических идей будет восприниматься как причудливые иллюзии «группы товарищей». Вспомним GreenPeace, правозащитников, антиглобалистов, недовольных распределением финансовых средств на планете.

Есть в мировоззрении нашей эпохи и стоящая особняком область паранормальных явлений – парапсихология, экстрасенсорика, эзотерика. Категоричность существующих точек зрения в отношении данного феномена столь очевидна и жестко оформлена, что может показаться даже забавной: эти феномены и соответствующая идеология либо безоговорочно допускаются, либо так же безоговорочно отрицаются и более того – порицаются как необычные, а значит, ненормальные и несуществующие. И хотя группа энтузиастов настойчиво ищет «нормальные» объяснения «ненормальным» явлениям, их достижения остаются доступны лишь им самим, никак существенно не влияя на традиционное мышление.

Таково *мировоззрение* нашей эпохи, такова в общих чертах картина «духовного кризиса» человечества, как о нем любят говорить. Господствующая на сегодня парадигма познания – неясная, неэффективная, регрессирующая – теснит и искажает действительность, препятствуя осознанию прошлого и незамутненному взгляду в будущее.

Необходимость системного подхода кажется очевидной. Если точки соприкосновения не будут найдены, если знание не станет эффективным инструментом взаимодействия человека с действительностью, нас ожидает мировоззренческий хаос.

⁵ В качестве иллюстративного примера попробуйте дать определение понятию «классика». Понимание ее столь разнится в устах выпускника консерватории и поклонника рок-группы, что сразу и не скажешь, какой смысл они хотят вложить в это слово – время, признанность, стиль, одухотворенность и т. д. Что они понимают под этими словами и в чем разница в «классичности» Моцарта и Pink Floyd?

⁶ Пресловутая западная «политкорректность» – это нечто вроде насильственной психологической практики. Здесь идеалы гуманизма, не будем этого забывать, прививаются под страхом наказания – юридического или в виде общественного порицания, – что в общем-то противоречит главному идеалу гуманизма.

Позиция «Это ваше мнение, а это – мое мнение. Каждый имеет право на свое мнение» – хорошая позиция, если бы речь в данном случае шла о мысли, – но ведь нет! Эта фраза призвана защитить субъективность оценки, а не истинность суждения. Истинность суждений все меньше и меньше нас интересует, мы уже, кажется, и не верим в то, что она возможна. Поэтому, когда мы говорим о грядущем хаосе, это отнюдь не апокалипсические настроения, а нечто более серьезное.

Наука раздумывает о системном подходе, нельзя сказать, чтобы в этом направлении ничего не делалось. Системный подход даже заявляется иногда в качестве новой парадигмы научного познания. Но методы существующего «системного подхода» пока не расширили возможностей познания, а вот дополнительные проблемы уже возникли, потому что исходные позиции «метода» определены не были. Системный подход обернулся интегративным. Вместо постройки нового здания на его место стали свозить части уже бывших в употреблении.

Более того, мы как-то не задались очень важным вопросом. Ведь мир целостен, а целостность предполагает системность, но системность и целостность не тождественны друг другу. Целостность – это то, что есть, и в этом смысле она неизменна, а система – это то, что пребывает в развитии. Таким образом, система всегда больше, чем открыто познанию сейчас. И это необходимо иметь в виду. Образно выражаясь, в нашей таблице всегда должны быть пустые клетки. Мы же привыкли думать: есть пустые клетки, значит, работа не доделана. Почему?.. Но традиционное мышление есть традиционное мышление. Оно опирается на элементы целостности и их отношения, порождая тем самым замкнутые системы, в которых все ячейки таблицы заполнены. Внешне все замечательно – система все объяснила. Но познанию будут открываться новые и новые отношения между элементами целостности, будут возникать новые элементы, потому что возникшие отношения – это тоже самостоятельные элементы. И все это будет противоречить уже созданной системе. Таким образом, создание закрытой системы – это что-то вроде водружения надгробной плиты. Мы расписываемся в том, что сказанное «было верно», но более таковым не является и употреблено в будущем быть не может. Впрочем, может, конечно. Но без особой гарантии на успех.

Необходимое методологическое отступление **(введение понятия «точка обзора»)**

Закрытые системы (системы, основанные на ограниченном числе содержательных закономерностей, положенных в ее основу) возможны только в области мысли, экстраполирующей определенные закономерности (суждения) на действительность (целостность), в природе же подобных конструкторов не существует. Поэтому исходным пунктом любой теории познания, претендующей на истинную системность, на признание развивающейся целостности без определения ее границ, является «точка обзора».

Точка обзора – это прерогатива, а вместе с тем и сковывающий ограничитель процесса человеческого познания, неперенный его атрибут. Она определяет прежде всего самого познающего – то, что он есть, каким образом он реализует возможности своего познания, каковы они, как он видоизменяет внешнее, дабы сделать его удобоваримым, грубо говоря, понятным или, иначе, – доступным для себя, для собственного познания. Точка обзора открывает то, чем мы действительно обладаем, вступая в процесс познания в качестве познающего, то, какими характеристиками отношений с познаваемым мы априорно отягощены, то, что мы сможем утверждать по результатам познания, то, что будет доступно лишь нашему описанию, и, наконец, то, что нам будет позволительно предполагать.

Если же благодаря точке обзора результаты познания будут нами соответствующим образом классифицированы, им будут присвоены коэффициенты значимости и достоверности – это

избавит нас от столь привычного теперь смещения известного и предполагаемого, доступного познанию и желаемого, убедительности и объяснительности, терминологической путаницы.

Если же точка обзора не определена, то возникают неправомерные смещения и неоправданные компиляции: данные познания, полученные разными элементами познающего аппарата, разными познающими и в разных системах, произвольно группируются, смешиваются без учета реальности, всегда скрытой от познающего. Поэтому познание, осуществленное без четкого определения точки обзора, вследствие этих смещений и компиляций заведомо недостоверно. И только определение точки обзора позволяет последовательно и правомерно формировать познавательную работу. При этом «белые пятна» закрашиваются не произвольно, но проясняются с уяснением всех иных положений системы.

Вопрос этот не раз уже поднимался в философии. Так, Рене Декарт, например, определялся в этом вопросе через представление о «сомневающейся субстанции», Иммануил Кант спрашивал: «Что я могу знать?» Но акцент всякий раз ставился на «могу», а не на «я», на «сомневающейся», а не на «субстанции». На выходе же получалась методологическая спекуляция с указанием на некое априори с привлечением в совокупность своего знания не подлежащих познанию фактов – «трансцендентального» и других неverifiedируемых феноменов.

Любая форма научного познания действительности есть в конечном счете лишь некая модификация или, точнее сказать, форма собственно человеческого познания, а не какое-то эксклюзивное, с налетом магического таинства священнодействие. Научное познание, как бы мы ни пытались настаивать на некой его исключительности, не может преодолеть те ограничения, которые продиктованы особенностями, свойствами самого человеческого познания, – оно перенимает их, так сказать, по наследству.

Если выразить эту мысль кратко, следует сказать так: точка обзора ограничивает человека в познавательном процессе (каким образом, мы скажем ниже), а поскольку именно человек осуществляет научное познание, то такое ограничение, как точка обзора, свойственно и собственно человеческому познанию, и научному познанию (как разновидности человеческого познания). Но если в отношении обыденного познания мы говорим – «каждый смотрит со своей колокольни», то, реализуя научное познание, мы почему-то перестаем об этом помнить. В обыденном познании каждый человек имеет свою точку обзора, но в научном познании само человечество имеет свою точку обзора, и было бы странно забывать об этом. Да, человек – мера всех вещей, но правда в том, что и любая вещь является мерой всему остальному миру. Так имеем ли мы право дезавуировать это универсальное ограничение? Научное познание – есть «объективный взгляд» на мир, это «такой взгляд» на мир. Но согласиться с этим – значит принять на себя огромный груз, связанный с феноменом «достоверности» (недостоверности). С другой стороны, отказаться от этого груза – значит встать на путь методологических ошибок.

Точка обзора не есть характеристика пространства, она характеризует отношение познающего к познаемому. Говорить о методологии и не говорить о точке обзора невозможно. Обратим внимание на то, что есть «*опыт*».

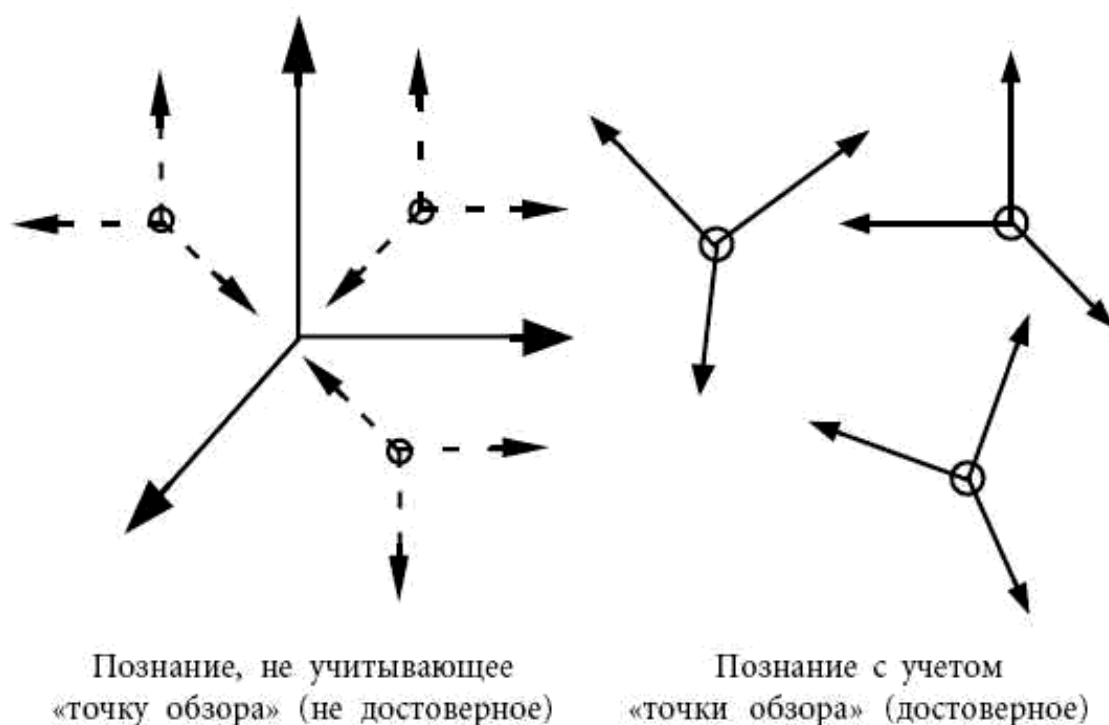

Рис. 1. Точка обзора

Мы с абсолютной серьезностью говорим об опыте, полученном в результате некоего исследования (слово «исследование» в данном случае имеет самое широкое толкование), но редко берем в расчет тот *опыт*, который до этого определил возможность как данного исследования, так и возможности самого исследователя, а также возможность постановки вопроса исследования и многое-многое другое. Несмотря на то что опыт, который должен быть получен в результате исследования, еще скрыт от исследователя, некий иной *опыт* уже имманентно присутствует в данном исследовании и является *первичным*, хотя, возможно, и без прямой зависимости в отношении конкретных целей и задач данного проводимого исследования. Иногда мы, правда, говорим, что для проведения исследования необходима «некая система координат», но ведь очевидно, что нет системы координат без «первичного» относительно нее *опыта*. Так, если системой координат является, например, «время», то для появления такой системы координат у исследователя должен существовать *опыт* неких двух процессов (условно говоря – прошлого и настоящего), чтобы «время» как система координат проявило себя. И это само по себе уже очень серьезное уточнение, не говоря уже о том, что есть в этой задачке «исследователь» как носитель этих координат. Итак, не исследование и получение некоего опыта, а *опыт* и его познание – вот основа методологического вопроса.

И мы возвращаемся к точке обзора, ведь изменение точки обзора приводит к изменению *опыта*. Так, например, один и тот же результат, осмысленный с позиций классической физики (одна точка обзора) и с позиций квантовой физики (другая точка обзора), получит совершенно разные определения. Тот же самый «объективный мир» стал совсем другим из-за простого смещения точки обзора. И ведь нельзя даже сказать, что «новый опыт» (квантовой физики) дополняет «старый» (классической физики). Он уже ничего не дополняет, он существует сам по себе. Если же мы начнем суммировать, следует ли нам ожидать, что мы получим большую целостность, нежели прежде? Нет. Непосредственно «расширять» познаваемое мы можем только через увеличение «зоны охвата», «дальности обзора» из данной конкретной

«точки». В противном случае мы получаем сумму, а не систему. Мы получаем здания, стоящие на разных фундаментах, которые, в свою очередь, стоят еще и на разных почвах. Гарантировать устойчивость подобной конструкции сложно, а жить в ней опасно.

Однако же точка обзора – не есть только ограничение, призванное указать нам на наше место и на несостоятельность наших интегративных амбиций (желания объединить все со всем). Нет, она, напротив, указывает нам на то, что можно было бы назвать скрытыми резервами познания. Конечно, куда легче провести одно исследование (находясь на какой-то определенной точке обзора), потом другое (с другой точки обзора), а потом отойти в третью и сложить полученные результаты. Но эта простота обманчива. Мы получаем мертвую систему некоего понятийно-гносеологического Франкенштейна.

Когда мы переходим к другой точке обзора, существуют уже только те результаты познания, которые осуществлены «из нее». Все остальное не сможет служить методологически оправданными компонентами новой системы, в лучшем случае – некими техническими дополнениями, их можно учитывать, причем с оговорками, и то лишь при условии, что это «одноуровневые» точки обзора.

Тут существуют очень тонкие отличия, и скоропалительные решения здесь крайне неуместны. Поэтому при решении таких задач следует помнить о существующих ограничениях. Во-первых, не следует считать, что опыт одинаков в любой точке обзора. Во-вторых, недопустимо конструировать за кого-то его точки обзора с позиции своих точек обзора. В-третьих, необходимо помнить о том, что ни одна точка обзора не является лучше или хуже другой (можно говорить лишь о предпочтительности той или другой в данной конкретной ситуации, но все они совершенно равноправны). Наконец, в-четвертых, не следует додумывать результаты, полученные в определенной точке обзора, исходя из концептуальных схем других точек обзора, – на них можно ссылаться, ими можно аргументировать и проч., но не более того. В общем, другая точка обзора в отношении реальности данной точки обзора обладает лишь «правом совещательного голоса».

Точка обзора определяет как путь достижения какой-то информации в процессе познания, так и избирательность в отношении информации – что-то ее «заинтересует», относительно чего другая точка обзора окажется равнодушна, и наоборот.

Определившись с тем, что является отправным пунктом, – точкой обзора, мы очерчиваем тем самым перспективность познания и одновременно закладываем (или не закладываем) в него потенциальные ошибки. Воспользуемся образными аналогиями для пояснения сути этого вопроса.

Представим себе, что мир можно созерцать из котлована, а можно с горной вершины. Конечно, и то и другое познание, при наличии исключительного усердия и тщательности исследования, в конце концов приведет нас к схожим выводам, поскольку познанием будет один и тот же путь, только в одном случае он пролегает из котлована к вершине, в другом – с вершины в котлован. Но при определенных выборах точки обзора возможны и более серьезные отличия, и большей оказывается вероятность ошибки. Например, мы можем познавать мир как из салона автомобиля, так и находясь вне машины. Кроме того, что точка обзора определит в данном случае весь набор наших практических представлений, теоретических знаний о мире, она же определит и нашу избирательность, наши интересы, а также и возможности реализации заложенных в нас, вне зависимости от точки обзора, потенций. Если мы познаем мир лишь из салона автомобиля, то есть ни разу не побывав снаружи, многое останется для нас неизведанным просто потому, что из автомобиля это невозможно «познать». С другой стороны, нас будут кровно интересовать определенные вещи (например, качество дорог, правила дорожного движения, расположение пунктов ГАИ, бензоколонок, авторемонтных станций, погодные условия и т. д.), тогда как многие другие вещи оставят нас абсолютно равнодушными. И совершенно естественно, что особенным (специфическим) будет в данном случае наше представление о

мире, наша концепция, его описывающая, и сам наш опыт. Если же мы будем изучать мир, так ни разу и не увидев его из окон автомобиля, наш опыт, наши представления, концепции и интересы будут совершенно другими. Колоссальные отличия! Но и в том и другом случае объект исследования был одним и тем же – мир, а различие точек обзора и вовсе смехотворное – из автомобиля и не из автомобиля.

Теперь следует сделать небольшую оговорку. Когда мы говорим о «целостности», это вовсе не обязывает нас к разговору или размышлениям о частностях. Напротив, если мы говорим, например, об «общности», семантически совершенно отчетливо возникает вопрос о частностях, элементах, составляющих: «Общность кого или чего?» А понятие целостности вовсе не ставит перед нами вопрос о необходимости какого-либо суммирования. Существует ли насущная необходимость в суммировании результатов различных точек зрения? Нет, причем по той простой причине, что нет такой точки обзора, которая была бы ограничена в доступе к собственному опыту (хотя возможен вариант, что какая-то реальность практически не способна к трансформации в необходимые формы, то есть не может стать опытом для данной точки обзора).

Соответственно, для суммирования нет особенных предпосылок – это раз. А во-вторых, каково общее количество возможных точек обзора? Их неограниченное множество. Как бы мы ни наращивали наш потенциал знаний, извлекая его из огромного количества различных точек обзора, мы никогда не исчерпаем «резервов», мы вряд ли даже достигнем критической массы знаний. И даже если мы предпримем попытку суммировать полученные результаты, то ни на шаг не сдвинемся в смысле обретения целостности, скорее наоборот. Положение Платона о том, что система – это нечто большее, нежели простая сумма ее частей, правомерно и при обратном прочтении: сумма элементов – это всегда меньше, нежели система этих элементов.

Итак, с одной стороны, точка обзора разрешает вопрос о *первичности*: любое познание из данной точки обзора *первично*, и оно – это познание – будет системно. С другой же стороны, когда будет утеряна непосредственная связь между точкой обзора и познаваемым, оно – это знание – утерять и системность. Итак, точка обзора актуальна для понимания как при системном, так и при частном познании. Теперь можно перейти к более конкретным вещам.

Современный исследователь (за весьма нечастым исключением) злоупотребляет своей способностью, как он считает, к абстрактному анализу, данной ему системным подходом. Абстракция представляется высшим достижением научного познания. Но попробуем во всем этом разобраться.

Что предполагает абстрактная форма познания? В первую очередь необходимо говорить о некоей условной независимости от «субъективной» точки зрения, а значит, во многом и от своей точки обзора. Но возможно ли это? Не является ли это совершенной проформой? Попробуем предположить, что это возможно. Тогда все факты бытия для осуществления этого познания должны предстать перед нами как перед исследователями, что называется, «на равных правах». Наше отношение ко всем фактам должно быть одинаковым. Казалось бы, абстрактное познание предполагает такую возможность, поскольку оно не делает отличий по «конкретным» позициям. Итак, все факты в определенном смысле равнозначны, и мы можем исследовать их «непредвзято». Но кто исследует? Мы забыли о самом исследователе, о самом себе. А в данном случае – это наиглавнейший пункт! Так можем ли мы увидеть себя непредвзято? Очевидно – нет. Доказательства этого – в основном психологического плана, но они и в таком виде здесь совершенно уместны.⁷

⁷ Для примера можно привести интересный феномен «чуждости профиля»: мы в подавляющем большинстве случаев «знакомимся» со своим собственным профилем, по очевидным причинам, намного позже, нежели с фасом, и перед этим «знакомством» у нас успевает сформироваться некое представление о своей внешности, представление это можно назвать «преимущественно анфасным». Учитывая же, что анфас далеко не всегда позволяет верно представить себе профиль человека, «знакомство» с собственным профилем может пройти и не очень-то «гладко». Подчас люди, не видевшие себя прежде

Добавим также, что абстрактное познание требует знаковой системы опосредования результатов нашего познания и познаваемого. Иными словами, познаваемое, будучи познанным, представляется в виде некой знаковой системы, которая устроена по своим собственным законам и предполагает те связи, которых не было в изначальном акте познания, а также очевидно игнорирует значительное число отношений, в которых находится познаваемое. Физико-математические науки создали богатейший язык специальных знаков, при том что никто никогда не видел интеграла в природе. Что, собственно, мы познаем, вычисляя интеграл? Это игра внутри замкнутой системы, где все абстрактные символы поясняют сами себя.

Итак, скажем проще. Чтобы познать нечто «абстрактно», необходимо познать все факты, при этом субъект познания сам не может быть фактом и должен находиться где-то вне их, но на равном удалении от каждого из них (не говоря о тех динамических и информационных способностях, которыми должен обладать познающий, чтобы объять, во-первых, неограниченное множество фактов, а во-вторых, еще большее, если так позволительно будет выразиться, количество их взаимоотношений).

Может показаться, что проблема надумана, поскольку зачем познавать все факты? Почему бы не сделать некоторые исключения? Но вопрос не представится таким абсурдным, если мы отдадим себе отчет в том, что все факты бытия так или иначе соотносятся друг с другом, образуют события (отношения), которые все являются причинно-следственными отношениями!⁸

Несколько поясним вопрос о причинно-следственности всех отношений (этому будут позже посвящены целые разделы, поэтому здесь мы останавливаемся только на сюжетно важных моментах). Все в природе находится в каких-то взаимоотношениях друг с другом, хотя бы потому, что нет ничего в мире, чего нельзя было бы соотнести с чем бы то ни было иным. Почему мы не видим этого в действительности? Мы «не видим» этого в действительности, потому что в действительности человек по самой природе своей видит только логичные или, иначе, «целесообразные» для себя отношения. Это результат эволюции – видеть только то, что имеет смысл «видеть» (именно здесь исток феноменов «видимого спектра» и т. д.).

Самым же важным доказательством данного положения представляется яркий психопатологический симптом, носящий название «актуализация латентных свойств». Он заключается в том, что некоторые люди (преимущественно шизоидного склада) при выполнении определенных заданий, направленных на установление взаимоотношений тех или иных предметов друг с другом, предлагают нам экстравагантные и, как правило, более чем неожиданные решения. Например, при необходимости разбить карточки с картинками, на которых изображены предметы, растения, животные и люди, на группы вместо стандартного для подавляющего большинства людей деления на предметы, растения, животных и людей они осуществляют нечто весьма необычное: такой испытуемый может разложить эти карточки на десяток групп по весьма незаурядным признакам, – одной группе могут оказаться рисунки с растением, молотком, песком, спортсменом и портрет человека с бородой. Он таким образом объясняет свой выбор: «Я выделил эту группу, потому что все в ней имеет отношение к железу. Во-первых, оно есть в почве на этой картинке, – и указывает на рисунок с растением, где изображена и почва, но обычно испытуемые видят именно растение, а этот обратил свое внимание на узкую полоску земли под ним. – Во-вторых, из железа сделан молоток, в-третьих, песок водится в Сибири, где много железа, в-четвертых, у спортсмена в крови много гемоглобина, где есть железо, а вот у этого старика борода как у Менделеева, который придумал периодическую таблицу элементов, в которой также есть железо». Вероятно, нам эти отношения покажутся не слишком логичными.

в профиль, не узнают собственную фотографию или иное изображение в этот самый профиль. Что уж тут говорить об объективности внутреннего восприятия?

⁸ Точнее говорить, что всякое событие есть условие, влияющее на все остальные события и вещи, хотя такое влияние может быть и сильно опосредованным.

Действительно, в предложенной группе картинок были куда более очевидные и, казалось бы, целесообразные отношения, но это *для нас*. А нашему испытуемому более очевидными и целесообразными показались совершенно иные отношения. Причем (по крайней мере на момент обследования) он еще не страдал тяжелым психическим заболеванием.

Итак, нестандартные «ассоциации», отношения – плохо это или хорошо? Однозначно ответить сложно, но что касается научного познания... Только один пример: около одной трети сотрудников физико-математических вузов, по данным различных исследований, имеют подобные особенности, как у представленного нами выше испытуемого. Можно без преувеличения заключить, что прогрессом цивилизации мы во многом обязаны тому, что кто-то увидел ранее не замеченные отношения, которые были не «естественны» и предполагать их существование было бы верхом «нецелесообразности».

Учитывая следующие позиции: фактов неограниченное множество, все факты находятся в причинно-следственных отношениях друг с другом, создавая таким образом события, все определяет все и это все неограниченно, – следует заключить, что абстрактное познание есть необходимый компромисс, позволяющий человеку осуществлять научное познание, а отношения познающего и познаваемого невозможны без опосредующих систем, вносящих вместе с тем определенное искажение.

Далее, так как само по себе абстрактное познание возможно лишь при условии равнозначности восприятия фактов и событий, подвергающихся познанию, его приходится расценивать как надуманное хотя бы потому, что основной компонент его – познающий – не может быть равноценным по восприятию с другими фактами или быть не фактом. Таким образом, научное познание должно строиться, исходя из представлений о *точке обзора*, иное же – предмет методологической спекуляции. Это накладывает на нас как на познающих некие ограничения, точнее – это определяет те «результаты» познания, которые невозможно получить с соблюдением истинной научной строгости.

Теперь мы можем построить модель познания, где познающий действительно является центром. Она будет напоминать положение звездочета, стоящего под звездным куполом. Одни звезды кажутся ему больше, другие меньше. Но что это, если не эффект перспективы? Расстояние между звездами кажется меньше, чем оно есть на самом деле. Купол двухмерен, хотя это не так. Возможно, одни звезды загораживают друг друга, сильно удалены друг от друга по отсутствующему третьему измерению – в глубину. Другие кажутся ему некими «комплексами», «системами», хотя в действительности ими не являются. И еще множество других деталей, которые делают результаты подобного познания смехотворными.

Но ведь перед нами классический познающий в отношениях с познаваемым!⁹

Такой – критичный и непредвзятый – взгляд на отношения познающего и познаваемого позволяет нам разрешить ряд вопросов методологического плана, например вопрос о неправомерности непосредственного суммирования результатов познания из различных точек обзора. А также философские вопросы, например вопрос о *противоположностях*, поскольку становится понятно, как они рождаются. Противоположность – это лишь отношение к точке обзора, а не некая изначальная и абсолютная данность, и, таким образом, эти противоположности можно нивелировать. Мы видим на примере данной модели, что многие казусы и *контекстуальные противоречия* в результатах познания связаны с особенностями самой точки обзора, но воспринимаются наблюдателем как объективные черты сущего и факты бытия. В каком-то смысле мы имеем здесь некую аналогию проекции, где под проекцией понимается не столько некий перенос свойств познающего на познаваемое, сколько простое вынесение ошибки вовне,

⁹ Здесь, впрочем, необходимо оговориться. То, что касается «звездочета», или, иначе, познающего: такая аналогия хорошо показывает, сколь многое зависит от исследователя. Его точке обзора доступна вся целостная система, и для этого даже не надо «прыгать с планеты на планету» – только запутаешься, надо лишь увеличивать мощность собственного опосредующего информацию устройства – «телескопа» и учитывать как собственную динамику, так и динамику изучаемой системы.

дабы потом интегрировать это «вне» со своей собственной структурой, которая изначально и содержит данную ошибку. Отметим, что за такое «вынесение» – проекцию – ответственна сама познающая система.

Мы обращаемся к методологическим вопросам, рассматривая научное знание. И видим, что точка обзора, как это ни парадоксально, нигде толком, за исключением разве отчасти «точных» наук, не определена. При этом надо отметить, что, если точка обзора не фиксируется, теряются сущность и целостность первичного опыта, ассоциации представляются занятием несерьезным, а последовательность действий, как следствие, продиктована внутренней определенностью положений самой дисциплины, где каждое из положений, в свою очередь, «очевидно» исследователю, иначе его исследование становится попросту невозможным, а сам исследователь – совершенно беспомощным. Такая система поддерживает саму себя, но фактически ни на чем не основана. Когда же в такую систему добавляется новая закономерность, в процессе ее интеграции в знание вероятность ошибок, связанных с неопределенностью в точке обзора, многократно возрастает, и скорее не столько в сфере самих закономерностей, сколько в области результатов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.